

С. И. Берестнев

К проблеме курганов и курганной стратиграфии

остоянный и неослабевающий интерес к погребальным памятникам, в частности к курганам и курганным могильникам, и заметная тенденция к абсолютизации данных курганной стратиграфии в определении относительной хронологии памятников энеолита — бронзы заставляет еще раз обратиться к проблеме семиотики кургана, прежде всего как материализованного элемента духовной культуры.

Природа происхождения рельефного надмогильного сооружения в виде грунтовой (каменно-грунтовой) конусовидной или полусферической курганной насыпи до сих пор окончательно не выяснена. Некоторые исследователи полагают, что появление курганов связано с распространением определенной эсхатологической концепции, в рамках которой создание надгробия, памятника умершему сородичу в значительной степени определяло его посмертное существование. Эти идеи нашли различное воплощение в разных районах ойкумены: от египетских пирамид и ближневосточных масшта до западноевропейских менгиров и кавказских дольменов. При этом сама возможность организации масштабных работ по созданию надмогильных конструкций предусматривала достаточно высокий уровень развития общества и его социальных институтов [1, с. 88–89]. Другие исследователи подчеркивают чисто утилитарную функцию курганных насыпей — стремление выделить в однообразном степном ландшафте места упокоения соплеменников и тем самым обозначить территорию своих владений [2, с. 131–132]. В последнее время получил распространение взгляд на курганы как на прямое отражение общественной иерархии, как на явление экономической и социальной дифференциации преимущественно скотоводческих сообществ. Появившись как прерогатива социальной верхушки общества, курганы в дальнейшем становятся заурядным погребальным памятником, доступным всему свободному населению [3, с. 7; 4, с. 279]. Эгалитарный подход дает основание для палеосоциологических реконструкций: выделения погребений вождей, знати и рядовых общинников на основании их положения в насыпи, устройства могильного сооружения, характера и состава сопровождающего инвентаря [5; 6].

Существует и иной, элитарный взгляд на определение содержания курганного погребального обряда. А. Н. Гей обратил внимание на заметное несоответствие количества подкурганных захоронений и расчетной плотности населения степного Прикубанья для эпохи бронзы. Это позволило ему предположить, что право на создание курганной насыпи и на захоронение в ее пределах было своего рода социальной привилегией, доступной далеко не каждому [7, с. 27–29]. Эту точку зрения поддержал А. Т. Синюк, с уточнением, что курганы насыпались над захоронениями вождей-жрецов и выполняли функцию сакрализации власти [8, с. 285–320].

Форма курганной насыпи, в виде конуса или полусферы, сопоставляется с известными из древнеегипетской мифологии представлениями о «первоостровах творения» и нередко трактуется как символ Солнца [9, с. 45]. Это положение нуждается в более обстоятельной аргументации.

Этнографические материалы свидетельствуют о том, что в архаических обществах обрядово-магические действия часто совершались за пределами поселений. Для их проведения выбирались места, выделявшиеся в привычной природной обстановке — возвышенности, рощи, пещеры, скопления камней и т. п. В мифопоэтическом восприятии подобные природные объекты наделялись особыми магическими свойствами, населялись духами и таинственными силами. Сопричастность человека к организации сакрально выделенного пространства проявлялась в его «окультуривании», в привнесении искусственных элементов: красочных росписей, рельефных изображений, создании дополнительных деталей ландшафта или намеренном подчеркивании некоторых его особенностей. Выступая в качестве «сотворца», человек устанавливал прямую связь с «нечеловеческим» в природе. Частыми элементами обозначения сакрального пространства были его оконтуривание, ограждение, создание каменных или глинобитных возвышений, обычно трактуемых как алтари или жертвенники, присутствие продуктов горения или кострищ.

Намеренное, визуально различимое выделение части пространства может рассматриваться как один из способов придания ему особой сакральной значимости.

В раннеземледельческих сообществах подобную семиотическую насыщенность приобретает стационарное жилище. В целостной картине мироздания оно сочетало два измерения: с одной стороны, как искусственное творение, олицетворяло предметный человеческий мир, с другой, как убежище, являлось репликой внешнего мира природы, уменьшенной до размеров человека [10, с. 65]. Показательна нередкая сопряженность жилищ с погребениями людей, производившихся в определенных местах обитаемого пространства — у стен, в углах, у очага. Вероятно, умершие сородичи рассматривались как представители «своего» в «чужом» (т. е. потустороннем) и выполняли охранную функцию.

Особенно выразительно причастность погребенных к сфере потустороннего проявляется в постройках, предположительно относимых к святилищам. На поселениях хассунской культуры в Северной Месопотамии подобные сооружения по форме, размерам, оформлению интерьера, характеру вещественного материала заметно отличались от обычных жилищ. Исследователи отмечали их несомненную взаимосвязь с погребениями людей [11, с. 46]. Д. Мелларт в качестве одного из признаков «святилищ» Чатал-Хююка выделяет наличие в их пространстве окрашенных охрой захоронений. По его мнению, культовые постройки постоянно не были обитаемы и там хоронили только жрецов, отправлявших культы, и членов их семей [12, с. 60, 78–79].

Появление особых сооружений, специально выделявшихся среди жилой застройки, по всей видимости, было первым шагом к созданию храмов для божеств, все более персонафицировавшихся и отделявшихся от природных явлений. Вместе с тем, проводившиеся в подобных сооружениях обряды жизненного и хозяйственного циклов еще органически были связаны с архаическими культурами поклонения природе. Окружающий мир выступал мифологическим фоном, в целом определявшим условия существования коллектива и диктовавшим нормы поведения. Покровителями домашнего скота оставались мифические покровители зверей, а окультуренные растения были под защитой духов леса [13, с. 164–166]. Сама Земля наделялась антропоморфным содержанием и представлялась матерью всего сущего. От брака с Небом она произвела различные злаки. В шумерской мифологии этот сюжет нашел конкретное образное воплощение: бог Энлиль оплодотворил гору, родившую зиму и лето, чтобы растения могли расти и созревать [14, с. 36–37]. Божества растений нередко изображались стоящими на горе или на фоне горы. Таким образом, гора (или символизировавшая ее искусственная насыпь) сочетала в себе признаки сакрально выделенной части пространства с образом рождающей Земли. Представляется, что именно эти мотивы стали ведущими в религиозно-мифологических системах сообществ, ставших на путь производящей экономики.

У преимущественно скотоводческого населения степей Восточной Европы появление и распространение новой идеологической доктрины, вероятно, было обусловлено культурными импульсами со стороны раннеземледельческих центров как Передней Азии, так и Балканского полуострова. В Приазовско-Черноморском регионе она получила своеобразное воплощение в религиозной сфере: появились курганы как открытые святилища, обладавшие выраженными признаками сакральности (выделенность в природном ландшафте) в сочетании с общими космогоническими представлениями о природе мироздания (искусственная насыпь как символ рождающей Земли). В то же время в курганах в гипертрофированном виде проявилась роль умерших сородичей в укреплении связей между земным и потусторонним мирами. В циклическом восприятии времени, присущем архаическим культурам, смерть была неразрывно связана с рождающим началом [15, с. 67].

Есть основания полагать, что древнейшие степные курганы появились не как места захоронений выдающихся соплеменников, а именно как культовые центры, святилища скотоводческих сообществ. Наличие церемониального центра было средством интеграции рассеянного населения в тех местах, где экономически нецелесообразно было совместное проживание [16, с. 35–37].

Характерным примером может служить курган № 9 у с. Красное в Поднестровье, претерпевший ряд конструктивных изменений [17, с. 42–87]. Вначале подкурганная площадка была ограничена широким и глубоким кольцевым ровиком с проходом — перемычкой в западной части. В ее центре совершено основное погребение 16, в небольшой и мелкой материковой яме без следов перекрытия, ориентированной в широтном направлении. Кости погребенного находились вне анатомического порядка (рис. 1, 1; 1, 3). Предположение авторов раскопок об ограблении могилы в древности неубедительно, скорее всего, речь должна идти о захоронении разложившегося тела (вторичное захоронение) или о ритуальном расчленении покойника.

В 1,8 м к востоку от погребения прослежены остатки сооружения, обоснованно трактуемого как святилище. Оно состояло из 6 ям с остатками дубовых столбов, образывавших фигуру в виде равнобедренного треугольника, обращенного вершиной к северо-западу. Основания столбов в некоторых случаях были закреплены кусками рваного известняка. Четыре центральных ямки были попарно соединены неглубокими канавками с суглинистым заполнением, между ямами прослежены остатки каменной вымостки со следами воздействия огня. Еще одна яма — большего диаметра, но меньшей глубины — находилась к юго-востоку от столбовой конструкции. В ее плотном заполнении выявлены множество древесных угольков, обожженные, частично кальцинированные кости животных, в частности фрагменты черепов и рога двух домашних козлов (рис. 1, 2).

По всей видимости, столбовая конструкция представляла культовое сооружение с примыкающей ямой — жертвенником, в которой сжигались части туш жертвенных животных. Его сопряженность с погребением человека, занимавшим центральное положение на подкурганной площадке, указывает на то, что покойник при жизни имел непосредственное отношение к отправлению культа. Его проводы в потусторонний мир, вероятно, рассматривались как своеобразная «миссия», сопровождалась сложными церемониями и жертвоприношениями животных.

После совершения обряда была возведена грунтовая насыпь диаметром 11 м и высотой 0,5 м, поверхность которой укреплена обкладкой из плотно подогнанных кусков рваного известняка. В таком виде все сооружение существовало продолжительное время, так как часть каменной обкладки сползла в ровик и впоследствии была перекрыта насыпью II. При этом столбовая конструкция рельефно возвышалась над первоначальным курганом.

В дальнейшем процессе формирования кургана выделяются четыре строительных периода эпох энеолита — бронзы, связанных с сериями впускных захоронений. Некоторые

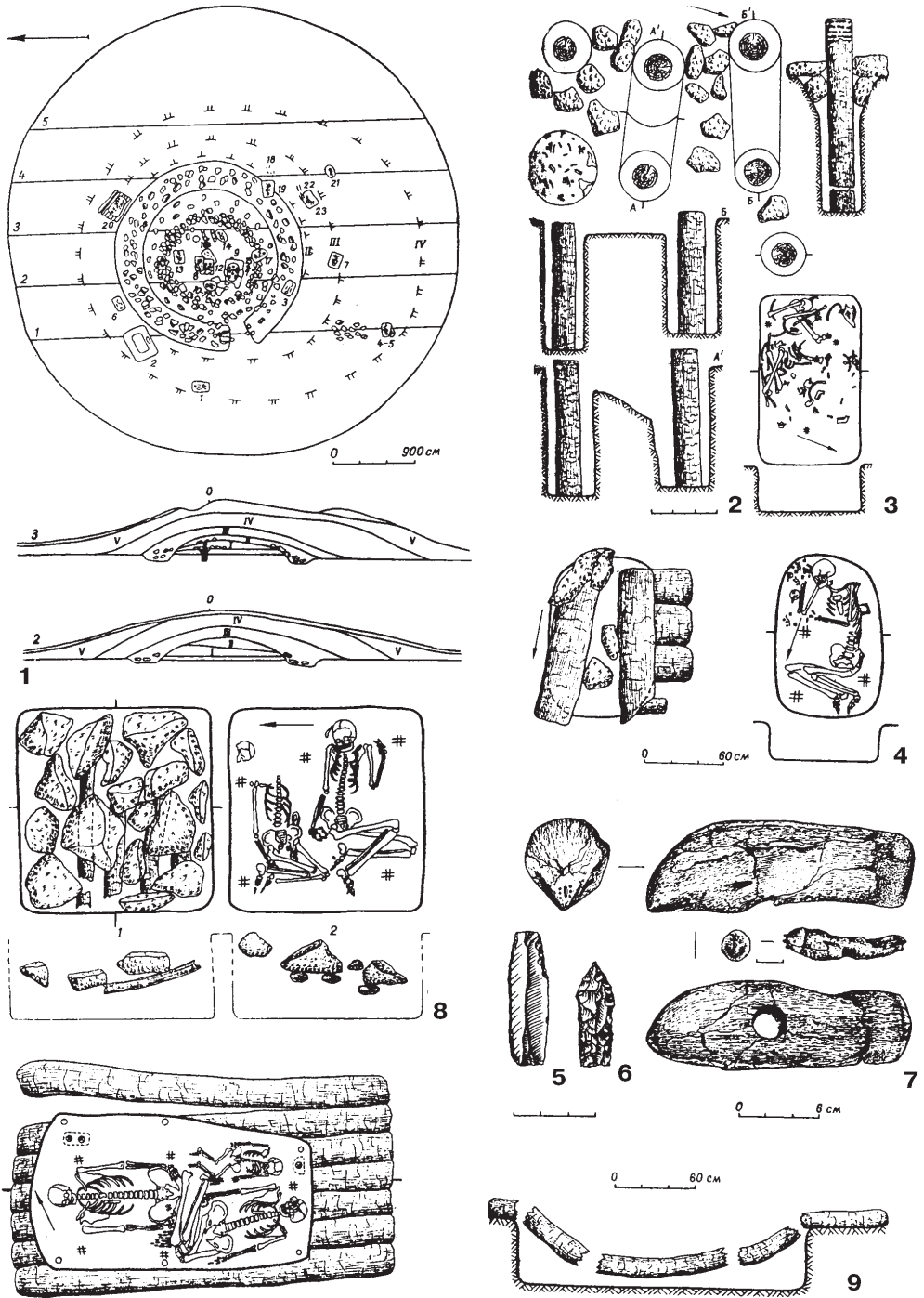

Рис. 1. Курган № 9 у с. Красное (по Н. А. Серовой и Е. В. Яровому):

1 — план кургана № 9; 2 — столбовая конструкция из кургана; 3 — основное погребение 16; 4—7 — погребение 17 и вещи из него; 8 — погребение 12; 9 — погребение 20

несоответствия в реконструкциях их взаимного расположения не позволяют однозначно принять предложенную авторами стратиграфическую колонку. Так, для п. 12, с которым авторы связывают первую глобальную досыпку, перекрывающую первоначальный курган и частично кольцевой ровик, указана глубина 3,9 м, а для каменной забутовки ямы — 3,15 м, от «0». При установленной высоте первоначальной насыпи 0,5 м от уровня древнего горизонта (4,3 м от современной вершины) погребение никак не могло быть впущено в нее и фактически «висело» в воздухе. Оно могло быть совершено только в досыпку, происхождение которой остается под вопросом. Ситуация проясняется, если предположить, что первоначальный курган-святилище со временем был перекрыт досыпкой, не связанной с каким-либо захоронением. Не исключено, что это был второй этап формирования открытого святилища, обусловленный необходимостью «запечатать» начальную церемонию, имевшую конкретные направленность и смысл.

Показательно совпадение в общем содержании и отдельных деталях ситуации, зафиксированной в первоначальном кургане у с. Красное и изображении на культовой вазе, найденной в Уруке при раскопках храма Эанна и датированной в пределах второй половины IV тыс. до н. э. Поверхность вазы покрыта рельефными изображениями, сгруппированными в три орнаментальных фриза: нижний, с изображениями текущей воды, растений и домашних животных, средний, с фигурами обнаженных мужчин, несущих корзины с дарами, и верхний, передающий смысловое содержание всей композиции. На нем изображена женщина в длинных одеяниях и рогатом головном уборе, принимающая подношения от мужчины в сопровождении слуги. За женской фигурой видны два столба с развевающимися лентами — символ культовой постройки или храма [18, с. 21]. Обращает на себя внимание присутствие связанной с изображением богини столбовой конструкции, а также парность принесенных ей даров. Это находит прямое соответствие в количестве столбов в культовой подкурганной конструкции, образующей три пары, две из которых соединены канавками.

Парными представляются также захоронения под первоначальной насыпью. Погребение 17, расположенное в южной поле кургана, вряд ли можно считать впускным, так как двухслойное бревенчатое перекрытие могильной ямы, впущенной в погребенную почву, находилось под каменной обкладкой насыпи. Костяк взрослого человека лежал скорченно на правом боку, в позе адорации, головой к югу и ногами к центральному захоронению. Кости скелета, особенно череп, окрашены малиной охрой, куски формованной охры находились на костях черепа и у правой руки, рядом с ними зафиксированы древесные угольки. На комках охры лежали кремневые пластина, трактуемая как вкладыш серпа или жатвенного ножа, пулевидный наконечник стрелы, а за спиной погребенного найдено роговое навершие скипетра клювовидной формы, с круглым отверстием для деревянной рукояти (рис. 1, 4–7).

Семантика сопровождающего покойника инвентаря свидетельствует в пользу его высокого социального положения, сочетавшего ритуально-хозяйственную, военную и управленческую функции. Это неудивительно, так как в Шумере почитался воинственный бог Энлиль, а на печатях аккадского периода боги растений и животных нередко изображались в виде воинов [19, табл. XX]. Вместе с тем, планиграфическое расположение погребения на периферии сакрального пространства говорит о его подчиненном положении относительно центрального безынвентарного захоронения. Безусловно, основное содержание церемонии двойного погребения в кургане-святилище было смещено в ритуально-мистическую сферу, когда исходные мотивы, сам процесс и ожидаемые результаты выражались в основном вербальными и невербальными образами и действиями. Не было ли двойное захоронение своеобразной жертвой?

Следует отметить также заметное сходство в деталях обряда погребения 17 и впускных захоронений, с которыми связано дальнейшее оформление кургана. В захоронениях 8, 12, 19, 20 отмечены продольные бревенчатые перекрытия, с обмазкой белой глиной, закладки из рваного камня, органические подстилки под костяками с подушкообразными

утолщениями под головами, окраска покойников охрой, с особой концентрацией в районе черепов и нижних конечностей (рис. 1, 8–9).

Подобное сходство, учитывая культовый характер комплекса, можно расценивать как знак принадлежности к социальному слою, связанному с отправлением культа. В таком случае, создание кургана представляет единый непрерывный процесс, а различия в положении и ориентировке погребенных отражают не временные изменения обрядности, а сложную ранговую дифференциацию «жречества». В пользу этого предположения свидетельствует и присутствие в кургане серии антропо- и зооморфных каменных изваяний [17, рис. 25; 26; 29; 33].

Остатки близкого культового комплекса выявлены в кургане № 1 могильника Кубей в Одесской области [20, с. 160–167]. Подкурганная площадка диаметром 16,5 м была ограждена каменным кромлехом и обведена сплошным кольцевым ровиком, шириной до 3,4 м и глубиной 1,0–1,5 м. В ее центральной части находились одновременные захоронения 3 и 15, произведенные с уровня древнего горизонта, в ямах прямоугольной и подовальной формы, глубиной ок. 1,0 м, без следов перекрытий. В обоих случаях костяки погребенных оказались нарушенными, что подкрепляет выдвинутое предположение о возможном ритуальном расчленении тел. В п. 15 в центральной части дна отмечено пятно обмазки зеленоватой глиной.

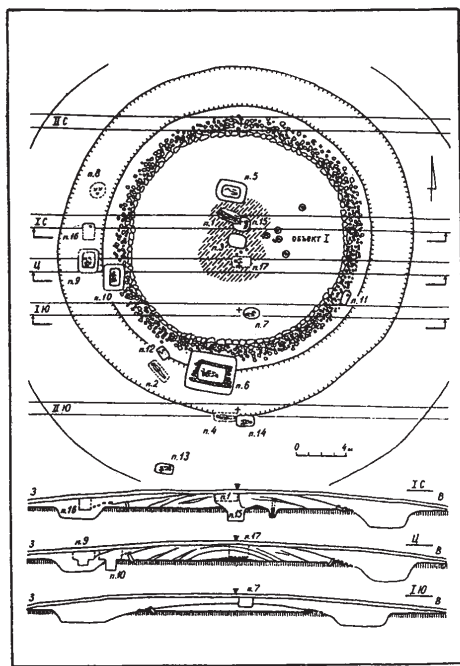
В 1,3 м к востоку от погребений выявлены следы бревенчатой конструкции, от которой сохранились остатки вертикально вкопанных столбов, образывавших в плане разносторонний треугольник, обращенный вершиной к западу, в сторону захоронений. Основания столбов, как и в кургане у с. Красное, были забутованы кусками рваного камня (рис. 2, 1–3). Стратиграфические данные дают основания полагать, что создание кургана-святилища происходило в несколько этапов. Вначале из черноземного грунта была отсыпана насыпь диаметром около 7 м и высотой до 1,0 м. Затем она была перекрыта досыпкой из мешаного грунта с чередующимися слоями чернозема и материковой глины, увеличившей высоту до 1,5 м и диаметр до 16,5 м, т. е. до плит кромлеха. С напольной стороны кромлеха была произведена досыпка до внутреннего края ровика, поверх которой выложен слой камней. В таком виде курган существовал продолжительное время, на что указывают затеки илистого грунта и камни крепиды в заполнении ровика [20, с. 166].

Вероятно, близкие по содержанию исходные мотивы определили создание кургана № 30 у с. Малокатериновка в Запорожской области [21, с. 41–47]. Подкурганная площадка, диаметром ок. 18 м, была обведена кромлехом из 1–2 рядов плит рваного известняка. В центральной части площадки находилось основное погребение 9, совершенное в тесной и неглубокой материковой яме, подовальной в плане формы, без каких-либо следов перекрытия. Погребенный лежал скорченно на правом боку, головой на восток с незначительным отклонением к северу. Кости сохранившейся левой руки и ног окрашены красной охрой, под тазовыми костями отмечена обмазка дна слоем зеленоватой глины (рис. 3, 1–2).

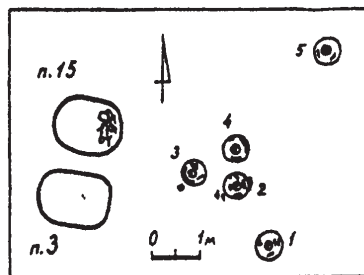
Сопровождавшие основное и синхронные ему погребения 3 и 4 были совершены на древней дневной поверхности к северо-западу и юго-западу от него. В погребении 3 зафиксирован только череп человека, что не исключает как возможности разрушения скелета землероями, так и преднамеренного захоронения одного черепа. В погребении 4 костяк подростка находился скорченно на правом боку, с протянутыми вниз руками, головой на запад (рис. 3, 3). Подчиненное положение сопровождающих захоронений определяется отсутствием погребальных сооружений и их смещенностью от центра на периферию сакрального пространства.

Выделенная кромлехом погребальная площадка была перекрыта грунтовой насыпью, поверхность которой выложена слоем рваного камня, образовавшим внешний панцирь кургана (рис. 3, 1).

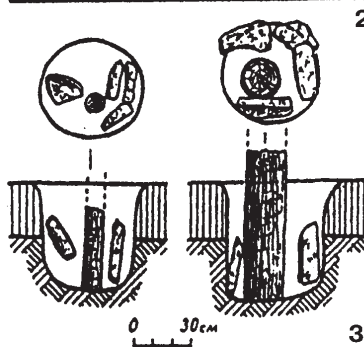
Спустя какое-то время у северной полы первоначального кургана было произведено погребение 13, для чего ее край немного подрезан, площадка 3×4 м выровнена

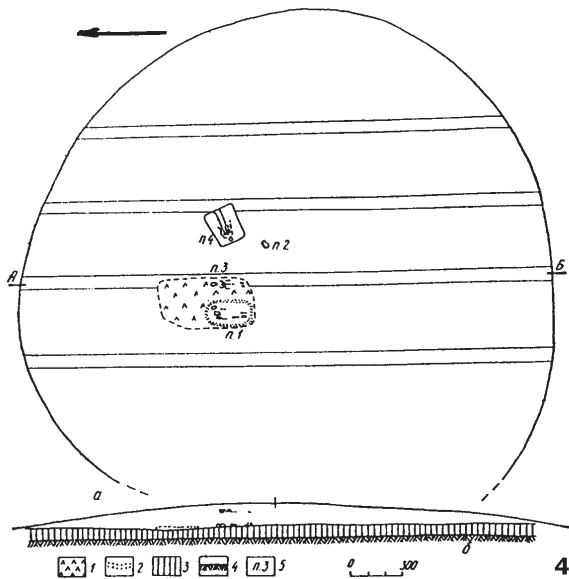
1

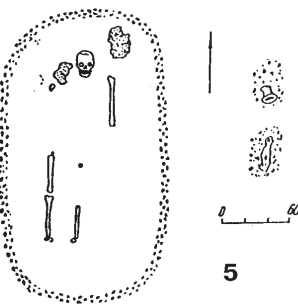
2

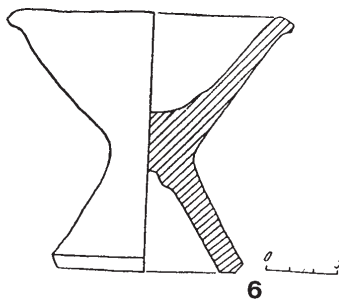
3

4

5

6

Рис. 2. Курган № 1 могильника Кубей (по Л. В. Субботину)
и курган № 2 у с. Орелик (по Л. М. Луговой и Ю. Я. Рассмакину):

1 — план и профили бровок кургана № 1 могильника Кубей; 2 — план погребений и столбовой конструкция в кургане № 1;
3 — профили столбовых ямок; 4 — план и профиль бровки кургана № 2 у с. Орелик; 5 — план погребения № 1 у с. Орелик;
6 — чаша из погребения № 1

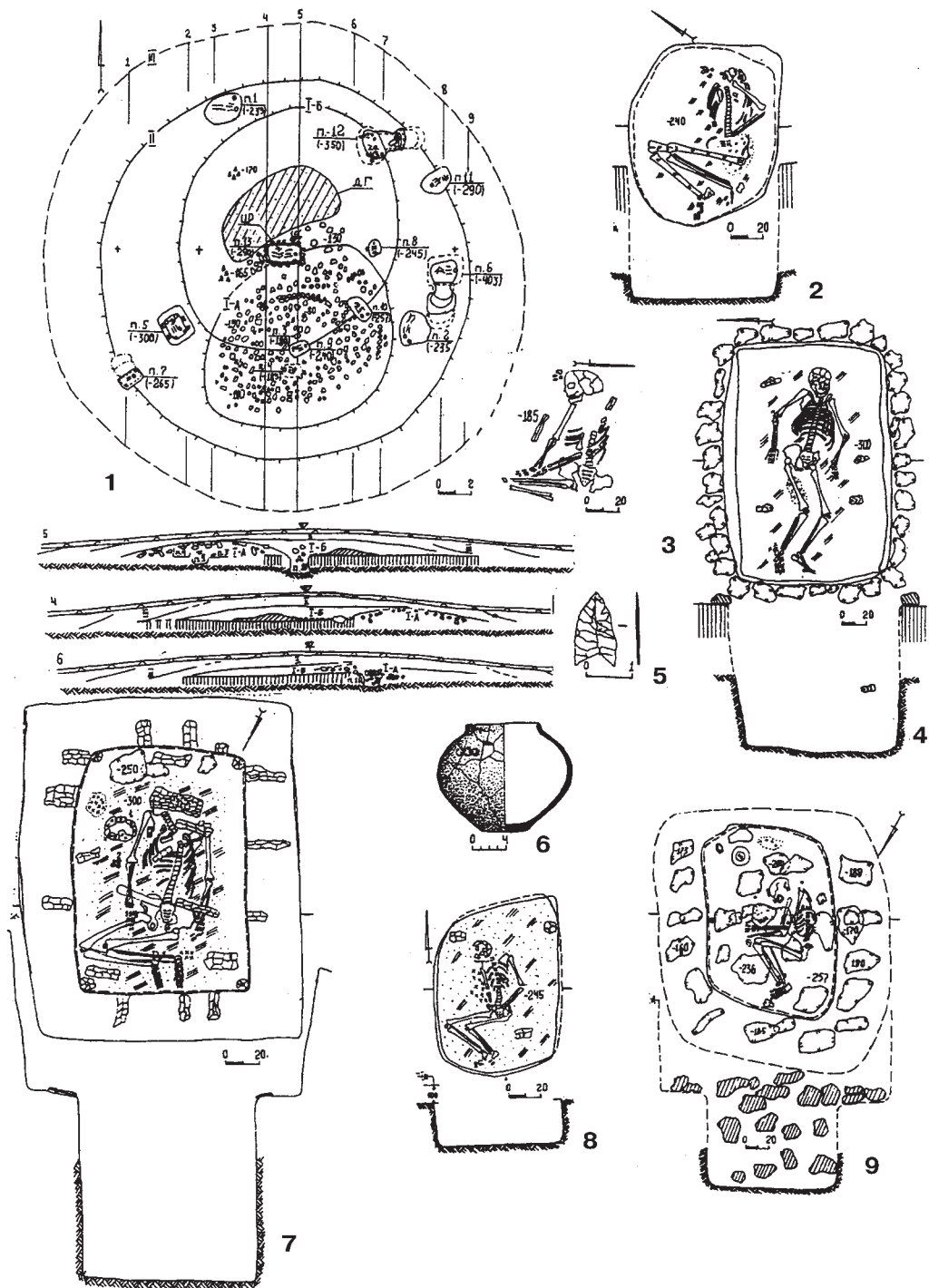

Рис. 3. Курган № 30 у с. Малокатериновка (по А. Г. Плешивенко):

1 — план и профили контрольных бровок; 2 — погребение 9; 3 — погребение 4; 4-5 — погребение 13; 6 — сосуд из погребения 10; 7 — погребение 5; 8 — погребение 8; 9 — погребение 10

в горизонтальной плоскости и выстлана слоем камыша. В прямоугольной в плане неглубокой материковой яме находился скелет взрослого мужчины, лежавший слабоскорченно на спине, головой на восток. Под правым бедром отмечена обмазка дна слоем зеленоватой глины. На шейном позвонке лежал кремневый наконечник стрелы, подтреугольной формы, с выемкой в основании (рис. 3, 4–5). Могила перекрыта бревенчатым накатником и слоем камней, известняковыми плитками выложены края ямы. На древней дневной поверхности, к западу и северо-западу от погребения, обнаружены следы двух кострищ. Насыпь над погребением, частично перекрывшая с севера первоначальную насыпь, придала кургану в целом восьмеркообразную форму, вытянутую в меридиональном направлении.

Спустя какое-то время в восточную полу объединенной насыпи были впущены, вероятно, одновременные захоронения 8 и 10, после чего глобальная досыпка придала кургану округлую в плане форму и увеличила его диаметр до 23 м.

В погребении 8, в яме неправильной прямоугольной формы, имевшей деревянное перекрытие, на органической подстилке находился скелет подростка, лежавшего скорченно на правом боку, головой на север. Кости правой руки окрашены охрой (рис. 3, 8). При устройстве погребения 10 каменная обкладка насыпи первого кургана была разобрана, а камни использованы в закладе могилы. Костяк взрослого мужчины находился в позиции скорченно на правом боку, с протянутыми вниз руками, черепом на юг с небольшим отклонением к востоку. В изголовье покойника расчищены сосуд и кусок марганцевой руды (рис. 3, 9).

Как и в предшествующих случаях, создание кургана представляется как непрерывный процесс, подчиненный реализации общей идеи. Обращает на себя внимание сходство в семантике оформления подкурганных площадок первой и второй насыпей. В первом случае сакральное пространство было ограничено кромлехом, с последующим «замыканием» каменной обкладкой поверхности кургана. Главенствующее положение погребения 9 подчеркивалось его нахождением в центре площадки, тогда как сопутствующие захоронения 3 и 4 были смещены на ее периферию. При создании второй насыпи основные черты обряда были воспроизведены, но в упрощенном виде. Сакральное пространство выделено камышовой выстилкой, покойник уложен скорченно на спине, а сопутствующие захоронения заменены ритуальными кострами, занимавшими такое же периферийное положение. «Замыкание» погребальной площадке достигалось обкладкой грунтовой насыпи дерновыми блоками.

Следует отметить, что расположение погребений под насыпью 1 и погребения с ритуальными кострами под насыпью 2 в плане напоминают треугольник, как и столбовые конструкции «святилища» в курганах у с. Красное и в могильнике Кубей.

Сложная архитектура насыпи отличает курган № 1 группы II у того же с. Малокатериновка [21, с. 69–80]. В центре подкурганной площадки было совершено основное захоронение, впоследствии разрушенное норой животного и впускным погребением 22. Площадка ограничена сплошным кольцевым ровиком диаметром около 19 м. Его создание, вероятно, происходило параллельно с возведением первой насыпи. Ядро насыпи, сложенной из плотного суглинка, имело округлую в плане форму с заметной выемкой с южной стороны, что позволило автору раскопок предположить изначальное придание ему зооморфной формы (контур головы быка?). С востока и юга первая насыпь была обведена оградкой из двух рядов сланцевых плит, возвышавшейся на 0,2–0,3 м над древней дневной поверхностью. Каменная обкладка зафиксирована также на древнем горизонте, между краем насыпи и кольцевым ровиком. Затем курган был досыпан материковой глиной, его склоны специально скошены, а вся поверхность покрыта илистой обмазкой, толщиной до 0,2 м (рис. 4, 1).

В окружавшем курган ровике выявлены следы неоднократно разводившихся костров, а на склонах кургана обнаружены кости жертвенных животных.

Остатки ритуального комплекса энеолитической эпохи исследованы в кургане № 5 у с. Зеленый Гай в Днепропетровской области, на правом берегу р. Ингулец [22, с. 41–57].

В центре площадки, окруженной кромлехом диаметром 13,8 м, совершено погребение 12, в мелкой материковой яме, размерами 1,4×0,9 м, ориентированной в меридиональном направлении. Могила имела продольное сложное перекрытие, состоявшее из массивных плах, бревен, жердей и полотниц луба, подвергшееся воздействию огня. На его поверхности найдено кремневое орудие на отщепе. В придонной части ямы прослежены обугленные остатки деревянной конструкции, вроде носилок, перекрывавшие скелет. Костяк погребенного, также со следами воздействия огня, лежал скорченно на левом боку, головой на север с незначительным отклонением к востоку. Под костями прослежена обугленная органическая подстилка.

С северо-запада к могиле примыкала ритуальная площадка: на горизонтально спланированной поверхности, размерами 3,5×2,2 м, был уложен слой суглинка, толщиной до 2 см. Сверху площадка была покрыта слоем луба, сожженным на месте, вероятно, одновременно с перекрытием могилы.

Оформление ритуальной площадки и установка кромлеха проходили параллельно, так как материковый выкид из ровика, в котором устанавливались камни кромлеха, использовался в оборудовании площадки. Кромлех состоял из вертикально вкопанных плит известняка, плотно прилежавших друг к другу. Верхние торцы плит покрывались горизонтальной кладкой из плит меньшего размера. Не исключено, что какое-то время вся конструкция, включая погребение, стояла открытой. Затем погребение, ритуальная площадка и кромлех были скрыты под насыпью диаметром 24 м и высотой 1,3 м, сложенной в центре из дерновых блоков, в полах — отсыпанной рыхлым грунтом. На ее склонах был установлен еще один кромлех диаметром 7,0–7,5 м. В таком виде курган существовал продолжительное время, о чем свидетельствует образование дернового слоя толщиной до 1 см (рис. 5, 1).

С группой энеолитических погребений связано оформление кургана № 6 у с. Зеленый Гай [22, с. 57–80].

В центре подкурганной площадки, в овальной в плане яме, перекрытой продольными плахами, находились останки трех взрослых людей, ориентированные головами на север. Занимавший центральное место погребенный лежал вытянуто на спине, с согнутыми в локтях и уложенными кистями на левое плечо руками. В положении западного и восточного костяков заметны следы слабой и умеренной скорченности на спине. Череп западного костяка был отчленен и находился на верхнем отделе грудной клетки (рис. 6, 2). Над перекрытием могилы был возведен каменный купольный заклад диаметром до 5,0 м и высотой в центре 0,6 м. Последовавшая подсыпка рыхлым грунтом не перекрыла вершину заклада.

Спустя короткое время с восточной стороны было совершено также коллективное захоронение 26, перекрытое аналогичным купольным закладом (рис. 6, 3). Грунтовая досыпка придавала насыпи усеченно-коническую форму диаметром 9,0 м, верхней площадкой стали плиты закладов погребений 25 и 26 (рис. 6, 1).

Следующий этап возведения кургана связан с серией впускных захоронений, произведенных частично в его западной поле, частично — за его пределами, с уровня древнего горизонта (рис. 6, 1, 4–7). Над одним из погребений (№ 7) был создан куполовидный заклад из камней и плит. Грунтовая досыпка сохранила усеченно-коническую форму насыпи, увеличив ее диаметр до 12,5 м. Верхнюю площадку по-прежнему образовывали вершины купольных закладов, а склоны были укреплены грязевой обмазкой.

С этого уровня были впущены захоронения 17, 23, 24, после чего насыпь достроена черноземно-дерновыми блоками до высоты 1,3 м и диаметра 16,5–17,0 м. Основание образовавшегося кургана укреплено кромлехом из камней и плит, высотой до 0,4 м. Об использовании верхней площадки для обрядово-ритуальных действий свидетельствует обнаруженное на ней кострище.

На поверхности купольного заклада погребения 26 спустя какое-то время было совершено захоронение 22 с костяком взрослого мужчины, лежавшего скорченно на

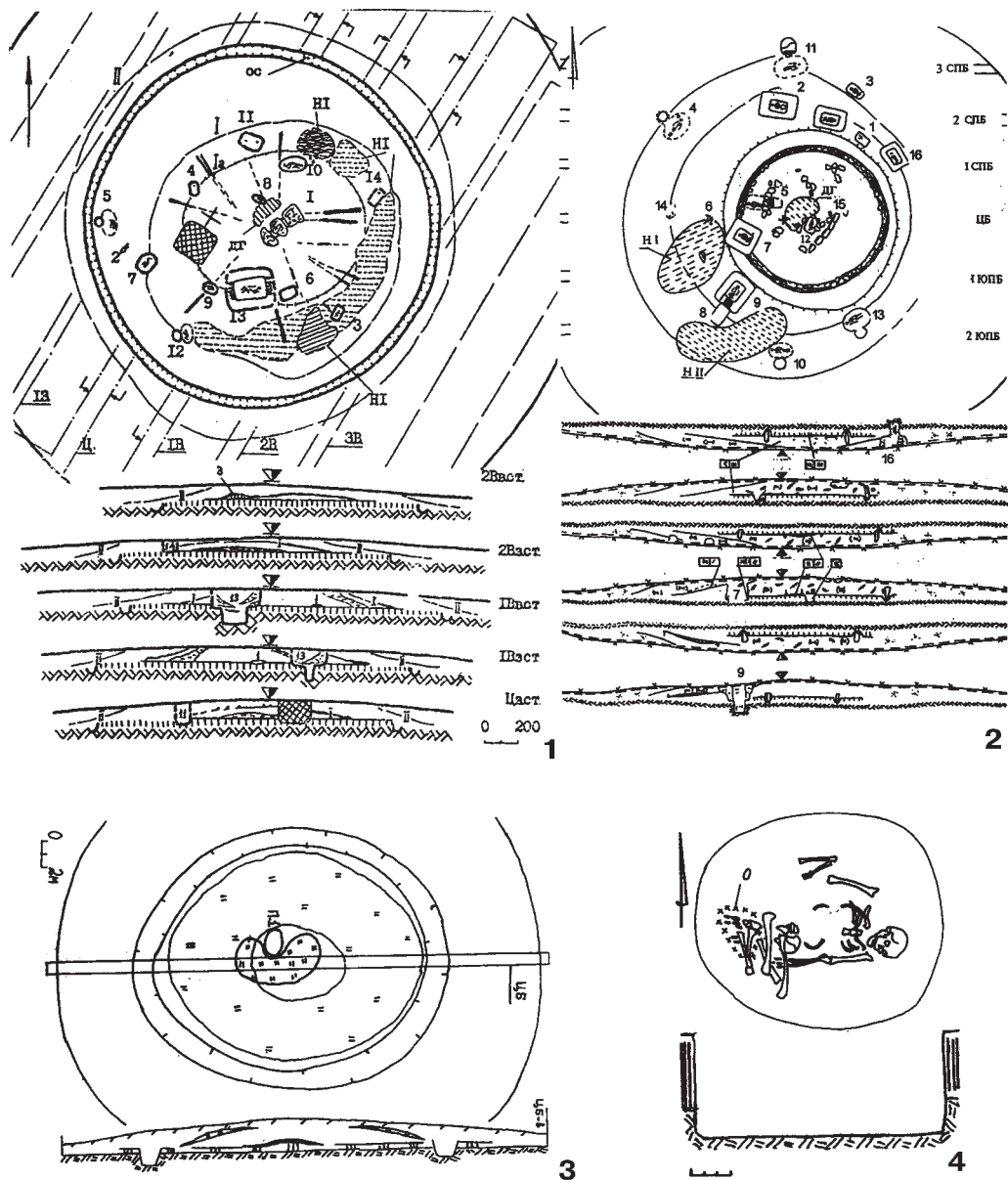

Рис. 5. Курган № 5 у с. Зеленый Гай (по И. Ф. Ковалевой и др.),
 курган № 23 у с. Богуславка (по А. В. Андросову и др.) и курган № 1 у с. Богуславка:

1 — план и профили бровок кургана № 5 у с. Зеленый Гай; 2 — план и профили бровок кургана № 23 у с. Богуслав; 3 — план и профили центральной бровки кургана № 1 у с. Богуславка; 4 — погребение 1 у с. Богуславка

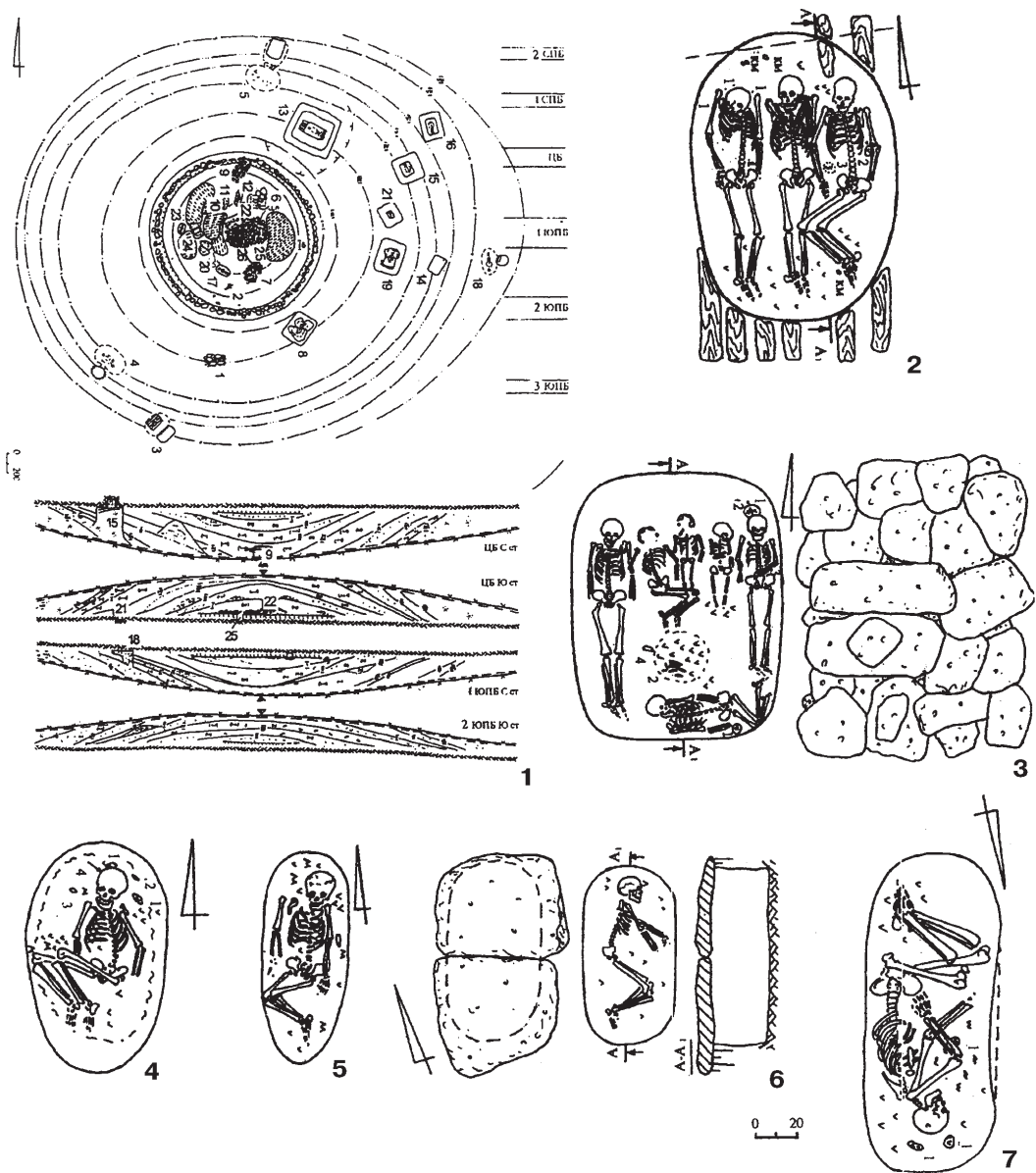

Рис. 6. Курган № 6 у с. Зеленый Гай (по И. Ф. Ковалевой и др.):

1 — план и профили контрольных бровок кургана № 6; 2 — погребение 25; 3 — погребение 26; 4 — погребение 11; 5 — погребение 10; 6 — погребение 20; 7 — погребение 12

правом боку, с разворотом на спину, головой на восток. В пользу правобочной позиции говорит нахождение стоп ног на боку и расположение левой плечевой кости на грудной клетке. Погребение перекрывалось черноземно-дерновыми блоками, а склоны насыпи — досышкой рыхлым грунтом.

Стратиграфические данные и сходство в оформлении погребальных сооружений позволяют зафиксировать непрерывность в создании энеолитического кургана и взаимосвязь произведенных захоронений, характеризующих ограниченный период времени.

Идея создания святилища, возможно, сопровождавшегося человеческими жертвоприношениями, прослеживается в архитектуре кургана № 23 у с. Богуслав в бассейне р. Самары [23, с. 4–19]. В центре подкурганной площадки, ограниченной кольцевым ровиком диаметром 21 м, находилось основное погребение 1. На дне ровика, в его северо-восточной части, выявлены остатки тризны, в том числе развал сосуда, фрагмент которого найден в погребении 1. Погребение было совершено в неглубокой яме, овальной в плане формы, перекрытой продольными жердями и тремя гранитными плитами, образовавшими вымостку 1,4×3,0 м. На поверхности плит обнаружены остатки кострища. Скелет подростка лежал на органической подстилке, скорченно на спине, головой на восток с отклонением к северу. У короткой восточной стенки могилы расчищен череп ребенка, без остальных костей скелета. Погребение сопровождалось ожерельем из медных пронизок и лепным сосудом [23, рис. 3].

Черноземный грунт из верхней части ровика был использован для возведения над погребением насыпи усеченно-конической формы, диаметром 7,0 м. Суглинок из нижней части ровика использовался для обкладки склонов слоем толщиной до 1,4 м. Затем курган был досыпан черноземом, полученным при расширении ровика с внешней стороны. Образовавшуюся насыпь, округлой в плане формы, диаметром 15 м и высотой 1,3 м, от ровика отделяло пустое пространство. Второй этап возведения кургана начался с подчистки ровика, в ходе которой извлеченный затечный грунт укладывался тонким слоем на его склонах. Процесс, по-видимому, сопровождался каким-то обрядом, свидетельством которого является скопление раковин *unio* на северной поле. Затем насыпь была обложена лубом и хворостом, после сожжения которых на поверхности остался слой древесных угольков и радиально уложенные обугленные жерди (рис. 5, 1). Глобальная досыпка черноземом, доведшая размеры кургана до внутреннего контура ровика, связана с погребением 3, совершенным в юго-восточной поле. Костяк погребенного, также подростка, лежал скорченно на левом боку, в позе адорации, головой на север, с незначительным отклонением к востоку. Стопа левой ноги неестественно вывернута, вероятно, вследствие преднамеренного повреждения опорно-двигательного аппарата, на большой берцовой кости розовой охрой нанесены две параллельные поперечные полоски. Перед лицевым отделом черепа поставлен лепной сосуд, внутри которого находились альчик и кости конечностей овцы [23, рис. 4, 1–3].

Обращает на себя внимание заведомо периферийное расположение захоронения, несмотря на то, что его совершению предшествовали сложные ритуальные действия, включая процедуру очищения огнем. Ситуация напоминает планиграфию одновременных погребений в кургане у с. Красное (рис. 1, 1).

Анализ позиций погребенных в последовательности, зафиксированной в приведенных выше курганах, показывает, что положение костяков скорченно на боку (правом или левом), скорченно на спине или вытянуто на спине и их ориентировка по сторонам света не отражает (или не прямо отражает) изменения в погребальной обрядности в целом (рис. 6). Чередование позиций костяков и совмещение разных позиций в одном захоронении могут рассматриваться как свидетельства социальной стратификации общества в условиях складывавшейся сословно-кастовой системы.

Ряд характерных признаков сближает степные курганы-святилища с религиозно-мифологическими доктринами ранних земледельцев Передней Азии, Балканского полуострова и Подунавья. Это уже отмечавшееся ограничение сакрального пространства

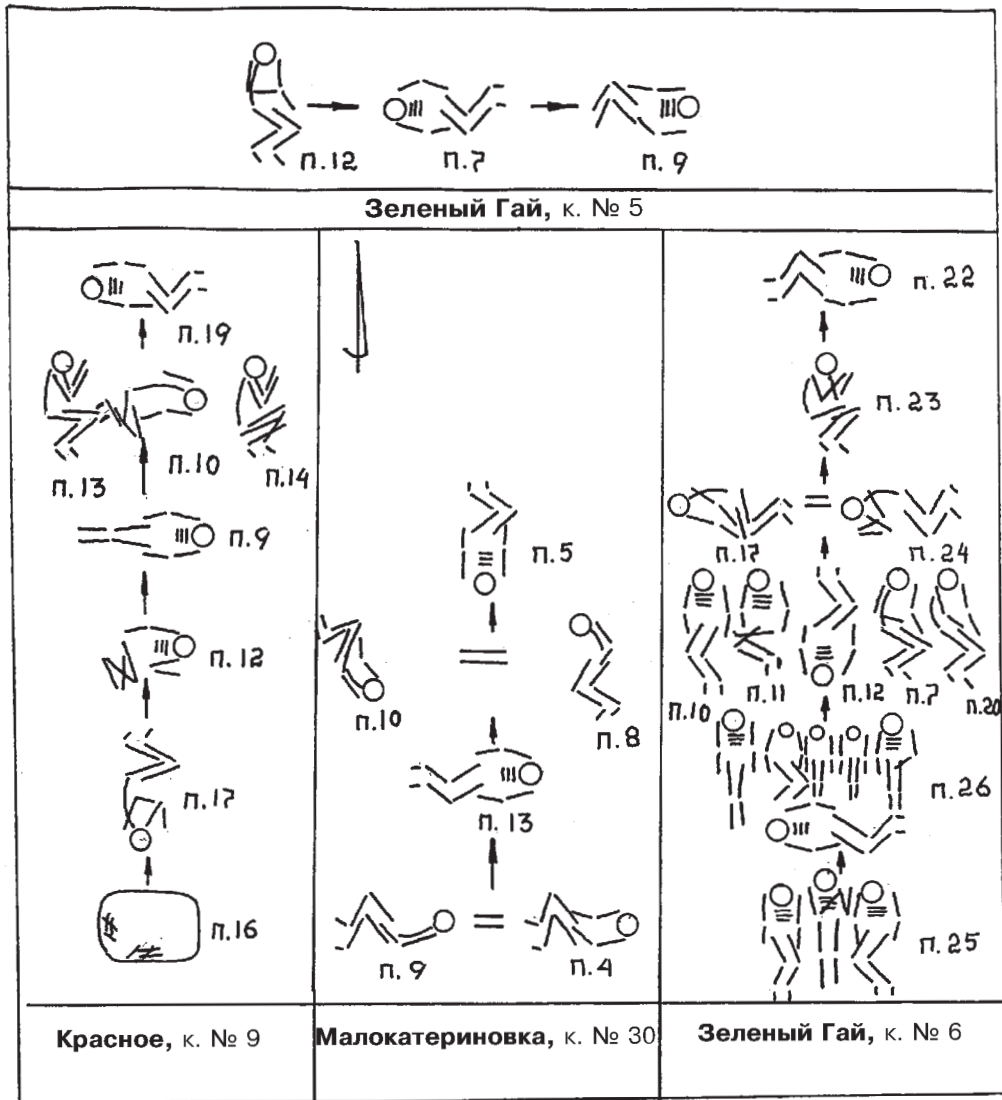

Рис. 7. Позиции погребенных в стратиграфических колонках курганов

рвом или рельефным возвышением, искусственная курганная насыпь как образ горы (рождающей Земли), использование в ритуале жертвоприношений животных или зооморфных символов. С религиозными представлениями оседлых земледельцев, по всей видимости, связано появление скорченной позиции покойников, образно моделирующей процесс нового рождения [24, с. 115–116]. В положении скорченно на боку или на спине хоронили усопших в плоских экстрамуральных могильниках носители культур Винча, Лендзел, Гумельница [25, с. 156–158; 26, с. 262; 27, с. 33–34]. Расчлененные или «вторичные» захоронения нередки в неолитических памятниках Передней и Средней Азии [28, с. 37–116].

Показательно, что наиболее выразительно черты земледельческих культов, вплоть до воспроизведения отдельных деталей, проявляются на стыке земледельческих и скотоводческих культур (Красное, Кубей). По мере удаления от них основополагающая идея постепенно трансформируется и наполняется подчас новым содержанием. Характерными примерами могут служить святилища у сел Зеленый Гай, Малокатериновка, Богуслав.

В несколько ослабленном виде, но достаточно выразительно отмеченные тенденции прослеживаются в кургане № 2 у с. Орлик в междуречье рек. Орели и Ворсклы [29, с. 53–57]. На древней дневной поверхности, на площадке размерами 4,5×3,5 м, покрытой слоем древесных угольков и порошка красной охры, было совершено основное захоронение 1, с костяком взрослого человека, лежавшим вытянуто на спине, головой на север. Вероятно, погребенный находился внутри сожженной легкой деревянной конструкции, от которой сохранилась полоса древесных угольков, образывавшая овал 2,3×1,3 м (рис. 2, 4–5). В 1,5 м к востоку от погребения, в пределах ритуальной площадки, находилось кострище, в котором обнаружены кусок формованной охры цилиндрической формы и глиняная чаша в виде двух соединенных вершинами усеченных конусов (рис. 2, 6). Верхнее отделение чаши было заполнено красной охрой и древесными угольками, что свидетельствует о ее культовом назначении. Погребение и ритуальная площадка были перекрыты грунтовой насыпью диаметром 26 м и высотой 0,9 м.

Почти полную аналогию указанному захоронению составляет основное погребение 14 в кургане № 3 группы XI у с. Спасское в Днепровском Левобережье, также совершенное на древнем горизонте, на ритуальной площадке из слоя материковой глины и древесных углей, с вытянутым на спине и ориентированным головой на север покойником [30, с. 43]. В кургане у г. Васильевка в Запорожской области основное захоронение 6 было совершено в меридионально ориентированной деревянной конструкции на древней дневной поверхности. Судя по остаткам костей, погребенный, ребенок, лежал на пятне красной охры и был ориентирован головой к северу. Погребальная площадка была ограничена кромлехом и перекрыта овальной в плане грунтовой насыпью [31, с. 79, рис. 1, 1, 13].

В кургане у с. Богуславка на левом берегу р. Оскол в Харьковской области основное захоронение 1 было произведено в мелкой материковой яме, овальной в плане формы, без следов перекрытия. Заполнение — плотный однородный чернозем. Костяк взрослого человека лежал на спине, с протянутыми вдоль тела руками, головой на восток. Ноги согнуты в коленях и уложены углом влево, пятки подтянуты к тазу. Стопы ног окрашены охрой. Погребальная площадка была обведена широким и глубоким кольцевым ровиком, диаметром около 22 м. Черноземный грунт из верхней части ровика использовался для создания ядра насыпи, а материковая глина из нижней части ровика уложена на ее склоны. Размеры кургана совпали с внутренним контуром ровика. Вторым этапом создания кургана была глобальная досыпка черноземным грунтом, взятым со стороны, перекрывшая первоначальную насыпь и окружавший ее ровик (рис. 5, 3–4). Отсутствие впускных захоронений делает оправданным заключение о том, что вся процедура была связана с основным и единственным погребением 1.

При отсутствии каких-либо следов перекрытия могилы, положение покойника не может быть объяснено иначе, как изначально приданное, с согнутыми и уложенными

коленями вбок ногами, так как заполнение ямы грунтом сохранило бы любую другую позицию нижних конечностей. Такая поза костяков характерна для плоских могильников среднестоговско-новоданиловского типа [32, с. 102–115; 33, с. 6–7]. Это позволяет рассматривать погребение в кургане у с. Богуславки в системе среднестоговской общности.

Обкладывание склонов материковым грунтом («запечатывание»?) встречается как в курганах постмариупольской общности, так и в погребальных памятниках степного Причерноморья, условно объединяемых в рамках погребений нижнемихайловского типа [34, с. 88; 35, с. 69]. Вряд ли можно согласиться с мнением И. Ф. Ковалевой о том, что материковая облицовка склонов является символическим заменителем каменных кромлехов, так как сходную функцию ограничения сакрального пространства в таких случаях выполняют кольцевые ровики [36, с. 47]. Представляется, что таким образом моделируется образ Горы, воспроизведением которой и является искусственная грунтовая насыпь.

Имеющиеся данные позволяют говорить о достаточно раннем времени появления курганов, совпадающем с продвижением в Приазовье и Северное Причерноморье земледельческих сообществ. Роговое навершие жезла из погребения 17 в кургане у с. Красное обоснованно сопоставляется с каменными зооморфными скипетрами, известными из ряда энеолитических захоронений, а находившийся в том же комплексе кремневый вкладыш серпа — с аналогичными изделиями энеолитических культур Балкано-Дунайского региона. [17, с. 123]. Е. В. Яровой датировал комплекс последней четвертью IV тыс. до н. э. [37, с. 17].

Особое значение имеет чаша из основного захоронения у с. Орлик (рис. 2, б). Авторы публикации справедливо отметили ее уникальную для степной Украины форму и сопоставили с материалами позднего, энеолитического периода культуры Лендвел [29, с. 55]. Следует отметить, что морфологически близкие сосуды, относимые к категории культовой керамики, характерны для позднеэнеолитических — раннеэнеолитических культур Карпато-Дунайского ареала. Они известны в памятниках культуры линейно-ленточной керамики Молдовы и Верхнего Поднестровья, полгарской культуры и культуры Тисса в Закарпатье [38, с. 37–41; 39, с. 149, рис. 38, 7; 40, табл. 184, 31]. Фрагменты подобной чаши с прочерченным орнаментом найдены в предтрипольском слое поселения Лука Врублевская. С. Н. Бибилов отнес находку к закарпатским импортам [41, с. 35, рис. 65].

Показательно, что орликская чаша использовалась именно как ритуальный сосуд, о чем свидетельствует ее охровое заполнение. По всей видимости, распространение раннеземледельческих в своей основе религиозно-мифологических представлений сопровождалось предметами, непосредственно связанными с отправлением культа, выглядевшими чужеродными элементами в этнически и культурно чуждой среде.

Таким образом, есть основания связывать появление степных курганов со своеобразным преломлением в сознании преимущественно скотоводческого населения Северного Причерноморья религиозной доктрины, связанной происхождением с ближневосточными центрами становления производящего хозяйства. В рамках такого подхода предположение о зарождении курганного погребального обряда у майкопских племен Предкавказья и Северного Кавказа если и не убеждает, то становятся вполне объяснимым [41, с. 97].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Формозов А. А.* Памятники первобытного искусства. — М., 1966.
2. *Мерперт Н. Я.* Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья. — М., 1974.
3. *Пиотровский Б. Б.* Развитие скотоводства в древнейшем Закавказье//СА. — Т. XXII. — 1955.
4. *Gimbutas M.* The first of Eurasien stepp postoralists into copper age Europe//The Journal of Indo-European Studies. — Y. — 4. — N.-Y., 1978.

5. Довженко Н. Д., Рычков Н. А. К проблеме социальной стратификации племенной культурно-исторической общности//Новые памятники ямной культуры степной зоны Украины. — К., 1988.
6. Бунятян К. П. Методика социальных реконструкций в археологии. — К., 1985.
7. Гей А. Н. Опыт палеодемографического анализа общества степных скотоводов эпохи бронзы. По погребальным памятникам Прикубанья//КСИА. — Вып. 201. — 1990.
8. Синюк А. Т. Бронзовый век бассейна Дона. — Воронеж, 1996.
9. Чмихов М. О. Курганы як явище давньої культури. — К., 1993.
10. Цивьян Т. В. Дом в фольклорной модели мира (на материалах балканских загадок). — Труды по знаковым системам. — Вып. 10. — Тарту, 1978.
11. Мерперт Н. Я., Мунчаев Р. М. Погребальный обряд племен халафской культуры (Месопотамия)//Археология Старого и Нового Света. — М.: Наука, 1982.
12. Mellaart J. *Chatal Huyuk*. A Neolithic Town in Anatolia. — L.; N.Y., 1970.
13. Фрэзер Дж. Золотая ветвь. — М., 1980.
14. Kramer S. N. *From the Poetri of Sumer*. — Los Angeles; London, 1979.
15. Фрейденоберг О. М. Поэтика сюжета и жанра. Период античной литературы. — Л., 1936.
16. Березкин Ю. Б. Аркаим как церемониальный центр: взгляд американиста//Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпохи энеолита–бронзы Средней и Восточной Европы. — СПб., 1995.
17. Серова Н. А., Яровой Е. В. Григориопольские курганы. — Кишинев: Штиинца, 1987.
18. Афанасьева В. К. К проблеме толкования шумерских рельефов//Культура Востока. Древность и раннее средневековье — Л., 1978.
19. Frankfort H. *Cylinder Seals*. A Documentary Essay on Art and Religion of the Ansient Near East. — London, 1939.
20. Субботин А. В. Энеолитическое святилище могильника Кубей//Старожитності степового Причорномор'я і Криму. — IX. — Запоріжжя, 2001.
21. Плешивенко А. Г. Курганы села Малокатериновка. — Запорожье, 1996.
22. Ковалева И. Ф., Марина З. П., Ромашко В. А. и др. Курганы энеолита–бронзы в Криворожском течении Ингульца. — Днепропетровск, 2003.
23. Андросов А. В., Марина З. П., Завгородний Д. И. Энеолитический курган у села Богуслав в Присамарье//Проблемы археологии Поднепровья. — Днепропетровск, 1991.
24. Берестнев С. И. Об одной из групп населения восточнукраинской лесостепи в эпоху палеометалла//Древности. 2004. — X., 2004.
25. Титов В. С. Ранний и средний неолит Восточной Венгрии//Археология Венгрии. — М., 1980.
26. Авилова А. И. К изучению социальной структуры и идеологии племен гумельницкой культуры (по данным погребального обряда)//СА. — 1986. — № 1.
27. Авилова А. И. Погребальный обряд энеолитических земледельцев Юго-Восточной Европы//КСИА. — № 185. — 1986.
28. Антонова Е. В. Обряды и верования первобытных земледельцев Востока. — М., 1990.
29. Лугова А. М., Рассамакін Ю. Я. Енеолітичне поховання в кургані поблизу с. Орлик Полтавської області//Археологія. — № 49. — 1985.
30. Ковалева И. Ф. Кильченская группа энеолитических вытянутых погребений и общие вопросы их датировки//Курганы степного Поднепровья. — Днепропетровск, 1980.
31. Шахров Г. И., Гречаный В. М. Раскопки кургана на трассе Москва–Симферополь близ города Васильевка//Древности степного Причерноморья и Крыма. — II. — Запорожье, 1991.
32. Телегін Д. Я. Середньостогівська культура епохи міді. — К., 1973.

33. *Телегин Д. Я., Нечитайло А. А., Потехина И. Д., Панченко Ю. В.* Среднестоговская и новоданиловская культуры энеолита Азово-Черноморского региона: археолого-антропологический анализ материалов и каталог памятников. — Луганск, 2001.
34. *Евдокимов Г. А., Рассмакин Ю. Я.* Два позднеэнеолитических могильника на юге Херсонщины//Новые памятники ямной культуры степной зоны Украины. — К., 1988.
35. *Рассамакин Ю. Я.* Енеолітичні поховання Північно-Західного Приазов'я//Археологія. — 1990. — № 1.
36. *Ковалева И. Ф.* Курган у с. Вербки и другие энеолитические памятники Присамарья//Проблемы археологии Поднепровья. — Днепропетровск, 1985.
37. *Яровой Е. В.* Скотоводческое население Северо-Западного Причерноморья эпохи раннего металла — Автореф. дисс. ... доктора ист. наук. — М., 2000.
38. *Титов В. С.* Проблема хронологии неолита и энеолита Юго-Восточной Европы //СА. — 1974. — № 4.
39. *Потушняк М. Ф.* Неолит Закарпаття//Археологія Української ССР. — Т. 1. — К., 1985.
40. *Muller-Karpe H.* Handbuch der Vorgeschichte. — Bd. II. — Bonn, 1968.
41. *Бибиков С. Н.* Раннетрипольское поселение Лука Врублевецкая//МИА. — № 38. — 1953.
42. *Черных Е. Н., Орловская А. В.* Радиоуглеродная хронология древнеямной общности и истоки курганных культур//РА. — 2004. — № 1.

Summary

S. Berestnev. To the Problem of Burial Mounds and Burial Mounds' Stratigraphy

In the article the matter of burial mound semantics as above burial architecture structures is under the consideration. The structure analysis of the most ancient at Eastern Europe steppe's burial mound shows that the process of creation them was the reflection of complicated religious ceremony, not rarely prolonged in time. This gives us reason that the burial mounds appear as open sanctuaries, cult centers which integrated cattle-breeding groupings. Primary burials under artificial mounds may be considered as the acts of symbolic sacrifices to personified nature deities. The roles of sacrifices acted people during their lives directly connected to cults' performance. Planigraphic, stratigraphic and ritual peculiarities of burials probably reflected internal differentiation of priestly estate.

